

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ТЕРМИНА КАК ЯЗЫКОВОГО ЯВЛЕНИЯ

© 2010 М. В. Орлова

*канд. филолог. наук,
доцент каф. проф. коммуникации и иностранных языков
e-mail: mary-om@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются различные подходы к рассмотрению языковой природы терминов, обозначаются критерии разграничения слова и термина, указываются функции термина и виды знаний, репрезентированные им.

Ключевые слова: термин, терминология, язык, информация, понятие, значение, функции, когнитивная структура, знание.

Проблема изучения профессиональных языков и отраслевых терминологий всегда привлекала внимание лингвистов, но в последнее время она стала особенно актуальной в связи с активным исследованием специфики профессионального образа мира. В современной лингвистике общепризнано, что термин – абсолютная универсалия, его наличие в языке обязательно и закономерно, глубинно обусловлено как экстралингвистическими факторами (социальной сущностью и культурной обусловленностью языка), так и самой природой языка как системы. Терминология находится как под влиянием лексики общелитературного языка, так и под влиянием системы научных понятий, поэтому нельзя не согласиться с мнением А.А. Реформатского о том, что «терминология как совокупность слов — это “слуга двух хозяев”: системы лексики и системы научных понятий» [см., напр.: Реформатский 1967:122].

Лингвистика традиционно трактует термин как «слово или словосочетание специальной области знания или деятельности» и подчеркивает, что «термины входят в общую лексическую систему языка через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)», что отражено в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) [ЛЭС 2002: 508]. Наиболее оживленные споры среди лингвистов ведутся по вопросу о том, какую функцию выполняет термин: называет ли термин понятие или определяет его, то есть выполняет ли он номинативную функцию или дефинитивную. Интересно привести противоположные мнения лингвистов по этому вопросу. Г.О. Винокур полагает, что «термины — это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция названия. В функции названия очень часто выступают и слова вполне обиходного значения, и бытовые слова могут быть терминами. Но бытовой термин есть название вещи. Между тем научно-технический термин есть непременно название понятия» [Винокур 1939: 56]. Академик В. В. Виноградов выдвинул тезис о дефинитивной функции термина. Его точку зрения разделяет Л. А. Капанадзе, полагая, что «термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему... Значение термина — это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается» [Капанадзе 1965: 78]. Мы полагаем, что специфика термина именно в том и заключается, что он, в отличие от обычного слова, в одно и то же время и называет, и определяет понятие, то есть выполняет две функции: номинативную и дефинитивную.

Анализ работ, посвященных проблеме термина и терминологии, показывает постоянное стремление лингвистов расширить область исследования, так как неоднократные попытки сформулировать удовлетворяющее всех определение понятия «термин» оказались малопродуктивными «вследствие многогранности этого феномена» [Ивина 2003: 11]. Интересно привести мнение основоположника Венской школы терминологии Вюстера, которое сохраняет актуальность и сегодня. Ученый подчеркивал, что одно из существенных различий между методами исследования, используемыми лингвистами и терминологами, заключается в том, что терминологи начинают свое рассмотрение термина с понятия, которое должно быть точно определено и которое не зависит от своего наименования, а лексикологи начинают с языкового выражения. Поэтому традиционно терминологи говорят о понятиях, а лингвисты о значениях [Wüster 1979]. Интерес к языку профессиональных сфер общения начинался с определения фундаментальных постулатов и методов работы с терминологией как с «неким инструментом, которым надо пользоваться наиболее рациональным способом, с тем чтобы он мог наиболее эффективно служить цели, для которой создан: устранению затруднений в научно-технических связях» [Рондо 1979: 15].

В.П. Даниленко указывает, что возникающее при этом совмещение понятий «специальный язык» и «терминология» в чем-то весьма обоснованно, так как именно термины являются носителями специальной информации [Даниленко, Новикова 2000]. Если подходить к семантике термина с лингвистической точки зрения, то можно выделить в содержательной структуре соответствующей лексической единицы некое терминологическое значение, которое обычно приравнивается к специальному понятию. Однако у термина сохраняются коннотации, которые участвуют в построении производных слов и словосочетаний. Так, на базе термина информатики и теории классификации *дерево* создаются термины *ветвление дерева*, *растущее поисковое дерево*. Исходная внутренняя форма термина, способ представления его значения, его мотивированность определяются в конечном счете его языковым субстратом [Лейчик 1986]. На базе функций слова или словосочетания формируется функциональная структура термина. Ученые отмечают, что термину присущи все основные функции слова: номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая.

Таким образом, подчеркивает В.М. Лейчик, языковая, лексическая основа проявляется во всех сторонах термина: и в его фонемной, и в словообразовательной, и содержательной, и функциональной структуре. Ученый делает вывод «о неправомерности традиционных противопоставлений "термин – слово", "термин как особое слово – общеупотребительное слово", поскольку между этими единицами существует не отношение контрарности, а отношение логической производности» [Лейчик 1986: 87–97].

Мы предполагаем, что такие трудности в первую очередь возникают из-за отсутствия точного хронологического показателя, который определял бы приобретение словом статуса термина. Появляясь в любом «специальном» языке, литературное слово становится термином, т.е. «словом, появившимся в определенный период в каком-либо виде деятельности или использованным один раз (окаzionaliальные слова) в каком-либо тексте или акте речи» [ЛЭС 2002: 331].

По мнению русского философа Г.Г. Шпета, слово выполняет важные социальные функции, развивающие и стабилизирующие язык. В этом отношении различаются слово-образ и слово-термин. «Слово-образ отмечает признак вещи, "случайно" бросающийся в глаза, по творческому воображению. Часто это происходит в поэзии, где слово свободное, главным образом, орудие творчества самого языка.

Слово-термин стремится перейти к прямому выражению, избежать переносности... Это слово “запечатанное”, главным образом, орудие сообщения» [Шпет 1923: 33].

Принадлежность слов к терминосистемам является свойством относительным и историческим, определяющимся базовым параметром «время», который может трактоваться как «когнитивная структура, определяющая существующие модели и интерпретации временных отношений» [Тогоева 2000]. Другими словами, понятие термина изменчиво во времени и относительно: термином слово остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем терминологичность.

Толчком к активному изучению новых терминов и терминосистем послужило появление когнитивизма. С позиций когнитивного подхода язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова 2004: 9].

Представители когнитивизма подходят к рассмотрению специфических особенностей специальных языков, и в частности к пониманию природы термина, с позиций того, носителем каких структур знания оказываются термины. В ряде работ по этой проблеме речь идёт о пересмотре уже установленных ранее признаков терминов, а также о том, что в определение термина «должны быть внесены соответствующие коррективы» [Зяблова 2004: 41]. Однако объяснить и определить термин с когнитивной точки зрения все же представляется достаточно сложным, потому что весь смысл этого определения заключается в ответе на то, предстает ли перед нами специальная или не специальная структура знания. «Если в дефиниции слова применяются не специальные знания, а знания, понятные обыденному сознанию, – это слово является словом общеупотребительного языка. Если же в объяснении и в дефиниции самого слова используются специальные знания, – это слово, скорее всего, уже стало термином. Термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности» [Там же: 44–45].

В терминоведении известно, что любой специальный язык формируется на базе своего национального языка (Кутина, В.П. Даниленко, М.Н. Володина, С.В. Гринёв и др.). В термине как языковом знаке аккумулировано знание трех видов: языковое, рациональное и собственно специальное. Каждый из видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром. Сказанное выше позволяет представить эту структуру следующим образом.

В.М. Лейчик, исследуя роль терминов в формировании теоретического знания, пытается установить зависимость терминов от «картины мира», характерной для определенного естественного языка, поскольку «языковая ”картина мира” есть

доведенное до *pes plus ultra* мировоззрение» [Лейчик 1991]. Но сопоставление терминов с «картиной мира», по мнению В.М. Лейчика, покажет лишь языковую природу термина, в лучшем случае языковую его мотивированность; для выявления специфики термина она недостаточна. Признавая язык формой воплощения теории, исследователь рассматривает вопрос обратного влияния термина (языка) на теорию в рамках концепции относительной самостоятельности формы, воздействия формы на содержание. Термины не только раскрывают и систематизируют знание, они выполняют и *эвристическую* функцию, способствуя открытию нового знания [Там же]. Этой точки зрения придерживается С.В. Гринев, выделяя следующие подгруппы гносеологических функций терминов: фиксации знания, открытия нового знания (эвристические), передачи знания [Гринев 1993].

На практике критерием разграничения термина и нетермина часто служит наличие или, соответственно, отсутствие дефиниции [Шелов 2001]. Многообразие типов терминологий находит отражение во множестве дефиниций термина, иногда в чем-то противоречащих друг другу, чаще – дополняющих одна другую. Терминотворчество является неотъемлемой составной частью номинативной деятельности людей, по-своему интерпретирующей внеязыковую и языковую действительность. Этот процесс представляется как «целенаправленный поиск необходимой информации на основе имеющегося языкового опыта и закрепление ее в информационно-терминологической сфере языка...» [Володина 1996: 62]. Т.В. Дроздова также рассматривает в качестве терминов номинативные знаки, которые входят в систему естественного языка или в его подсистему – подязык науки и техники [Дроздова: 2003].

Это означает, что термины создаются как единицы этой системы, на базе ее инвентаря и по законам последней; они представляют собой имена конкретных или абстрактных сущностей, объективирующих определенные ментальные категории. Из этого следует, что «термин выполняет функцию, присущую любому номинативному знаку, – функцию передачи (кодирования) информации, в том числе и научной, об объекте/референте через единство формы и содержания знака» [Там же: 78]. Являясь также и единицей речи, термин функционирует в сфере специальной коммуникации и реализует свою функцию в совокупности с другими терминологическими единицами, реферирующими к одной и той же предметной области [Там же].

Мы разделяем точку зрения Л.В. Ивиной, которая, вслед за П.А. Флоренским, рассматривает термин как вариант обычного слова или специально созданную единицу, обладающую «как свойствами своей первоосновы, так и новыми специфическими качествами» [Флоренский 1994: 360], и вкладывает в понятие «термин» следующее содержание: «термин – это основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [Ивина 2003: 14]. Об общем понимании термина говорить чрезвычайно сложно. С усложнением социальной организации и развитием каналов коммуникации возросла и роль языка в жизни социума. И «природу языковых явлений необходимо осмысливать в рамках той исторической эпохи, в которой они функционировали» [Палютина 2005: 43].

Наблюдение над языком показывает, что в современном обществе появились термины и терминологические системы, которые требуют нового осмысления понятий «термин» и «терминология». Причина их возникновения – распространение новых отраслей знаний и новых видов деятельности, которые потребовали создание своего терминологического аппарата. Постулаты когнитивной теории языка не противоречат разделяемому многими лингвистами и философами положению о том, что не может

быть проблемы понимания речи и языка вне проблемы понимания мира [Павилёнис 1983].

Библиографический список

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. Т.5. М., 1939. 420 с.

Володина М. Н. Термин как средство специальной информации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 74 с.

Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М.: Моск. лицей, 1993. 309 с.

Даниленко В. П., Новикова Н. В. Культура русской речи. М.: Норма, 2000. С. 184–188.

Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. 223 с.

Зяблова О. А. Экономическая лексика современного экономического языка: становление и особенности функционирования. М., 2004. 166 с.

Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003. 304 с.

Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. 135 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

Лейчик В. М. Основные проблемы терминоведения // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве: тез. докладов международного круглого стола 27–28 июня 1991 г. Омск, 1991. 190 с.

Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Палютина З. Р. Цивилизационная лингвистика. Уфа: Башкирский гос. мед. ун-т, 2005. 279 с.

Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1967. С. 103–125.

Рондо Г. Введение в терминологию. Монреаль, 1979.

Тогоева С. И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155 с.

Флоренский П. А. Термин // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения : очерк и хрестоматия. Т.1. М.: Моск. лицей, 1994. С. 359–400.

Шнем Г. Г. Эстетические фрагменты. Вып.3. Пг., 1923. С. 33.

Wüster E. Einfürung in die Allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexicographie. Bd 1–2. Viena : N.Y., 1979.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.